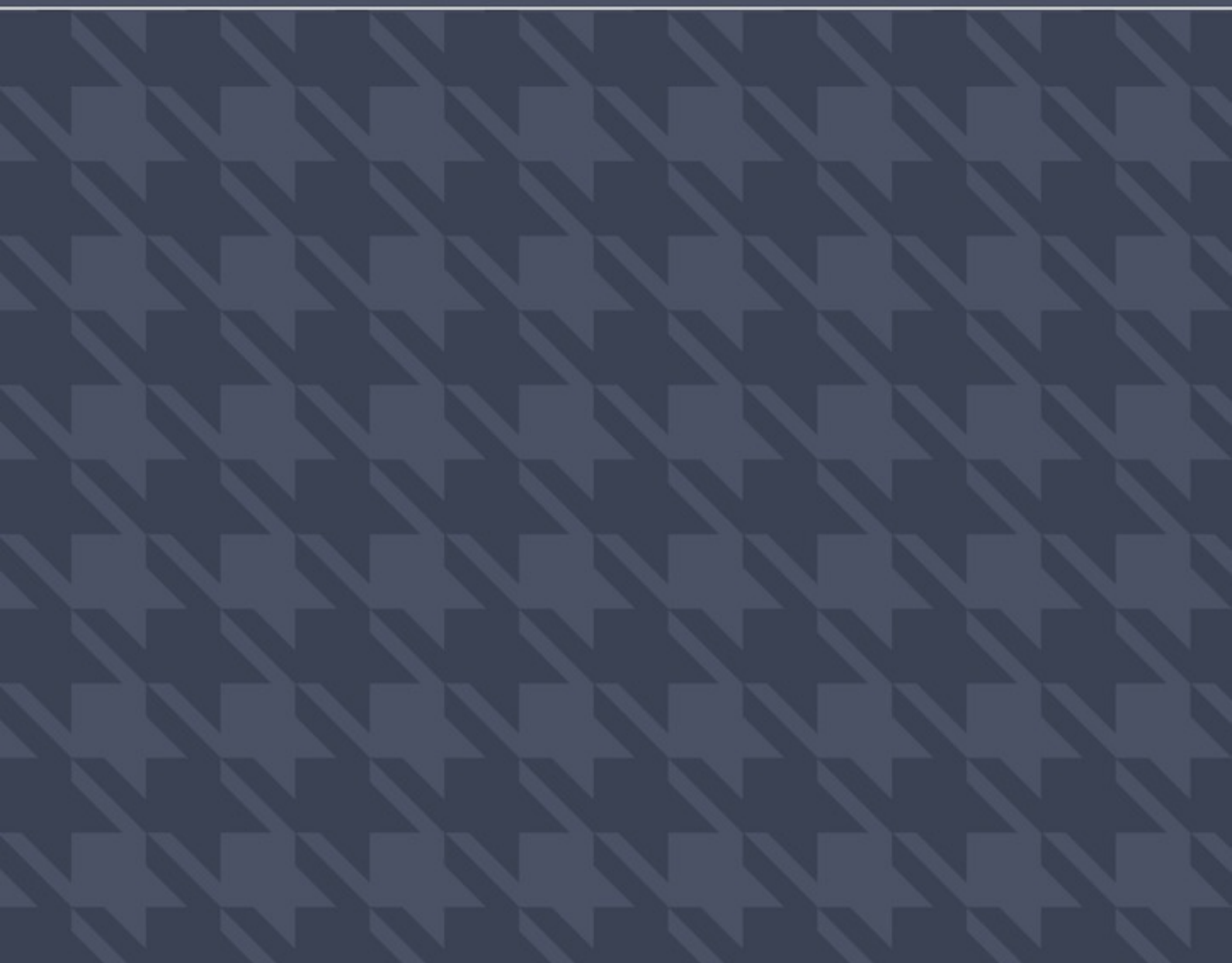

Родион Змановский

---

*Пора
просыпаться*

Родион Змановский
Пора просыпаться

«Издательские решения»

Змановский Р.

Пора просыпаться / Р. Змановский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835401-4

Смысл жизни человека в любви, в любви к миру, к людям, к самому себе, любви в этой книге полно, она переполнена ею. Эта книга, как тихая, красивая, мелодичная песня жизни, песня счастья, что я пытаюсь достать из себя и влить в вашу душу, поделиться с вами своим теплом. Но мир не однобок, к счастью или к сожалению, не бывает хорошего без плохого, добра без зла, черного без белого, и для красоты я решил убрать из этой книги переходный серый цвет и показать эмоции и чувства в высшем их проявлении.

ISBN 978-5-44-835401-4

© Змановский Р.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	12
3	16
4	21
5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пора просыпаться

Родион Змановский

© Родион Змановский, 2016

ISBN 978-5-4483-5401-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Шесть ноль-ноль пора просыпаться. Вырвалось из телефона голосом моей бывшей девушки который забился под кровать, так что мне пришлось брэнно свалиться на холодный пол чтобы его отключить. Тишина ударила в уши мерным гудением так же резко как недавно замолкший будильник. Я тяжело вздохнул и заставил себя встать с паркета, тёплое ложе манило к себе мягкой пропастью, и мне стоило больших усилий оторвать от него взгляд не поддавшись соблазну. Как же я хотел остаться в этом оцепенении неведения, когда уже и не спишь, но и ещё не помнишь кто ты есть и где находишься. Отголоски сна, самой интересной части моей текущей жизни кружились в голове, и всё что мне предстоит сегодня сделать выстроилось пресным планом в три пункта: первый – встать, второй – сходить на работу, третий – лечь спать. Первый пункт определенно был самым тяжелым, и те титанические усилия что мне предстояло проверить делали меня очень несчастным.

Ну что же давай Радя, последняя твоя смена, ты отработал пять, и эта последняя, ты молодец Радя, ты умница, ты настоящий работник, ячейка общества. Давай иди готовь себе завтрак, несчастное, голодное, худое животное. Ты не хочешь? Все болит? Вот что я тебе скажу: никого это волнует, иди работай! Вторил мне мой внутренний голос который бодрил и оскорблял меня по утрам, да и вообще постоянно нёс какую ни будь околесицу, например «оцени какая задница вон у той дамочки» или «тыква самый депрессивный вид овощей». И прочие такие штуки где мысли преобразовывались в слова, хотя хочу сказать, что не всегда в моей голове звучали только пошлости, да банальности, иногда и что-то дельное проскальзывало, абстрактные рифы жизни, на которые я наткался сквозь пресный полёт мысли, некоторая степень окрыляющего вдохновения, и я обрадовавшись находке спешил высказать это, или записать строкой, рифмой, абзацем, сообщением, да чем угодно, даже сообщением в пять утра набранной в пьяном бреду маминой подруге что хотела меня совратить в детстве, это не важно. Всё ради того, чтобы поощрять и подкармливать пришедшее ко мне чудо мысли, а не оставлять его запертым и забытым, ведь тогда бы оно обиделось и перестало меня навещать, а я этого никак не хотел. Но сейчас не об этом.

Я очнулся возле плиты, уже помытый, как-то упустив тот момент, когда я успел сходить в душ, ещё поспал наверное. Мой взгляд упал на закипавшее молоко, нежно поднимающееся вверх, мне вдруг стало интересно, окунув лицо в это кипящее облако смогу ли я что-либо почувствовать, или же оно унесёт меня в свой дивный мягкий тёплый мир, лаская на своих белых бурунах? Наверно да, не стал. В окне сиял рассвет, но остался без внимания, тикал таймер на плите, закипала вода в чайнике, бились о дно кружки крупинки гранулированного чая, и свалившегося на них ломтика лимона залитого кипятком. Стукнула полка, резко открытая с целью достать ложку, и так и осталась распахнутой с зияющей в ней металлическими зубами столовых приборов. Окончательно взбодрившись и приготовив свой завтрак я пошёл с ним в свою комнату, настолько любимую что иногда рад был бы неделями оттуда не выходить. Родная каморка с завешанным окном, разными мелочами на полу, кроватью на которой видимо произошёл небольшой локальный взрыв, разбросанными по всюду грязными, но не настолько что их следовало бы уже постирать вещами, вчерашней посудой на столе. Будет выходной обязательно я это все уберу, а ещё сделаю утроению пробежку, схожу в книжный, навещу друзей, нарисую копию Моны Лизы своими слезами на гидрофобном полотне. А хотя знаете, вся эта обстановка в моей комнате, всё это так антуражно, так винтажно. Так олицетворяет меня, особенно вот эти пустые пивные бутылки, книги лежавшие раскрытыми страницами на полу, или кружка недельного не допитого чая, так меня олицетворяют. Ух! Увидела бы меня какая ни будь родная душа, она бы поняла, она оценила, сколько всего во мне, какая бездна в моей

душе, оставлю, пожалуй, всё как есть, может всё же найдётся такая, в случае если настанет конец мира например.

Вообще было начало обычного сибирского теплого лета, мне было двадцать два года, и я работал в одном из крупных кинотеатров моего города Иркутска. К сожалению, работал я не шаловливым киномехаником который вставляет порнографические кадры посреди фильма, а всего лишь обслуживающим игровых автоматов, в зоне ожидания. Поначалу было как-то даже весело и интересно, но потом всё приелось. Эти душные игровые залы наполненные милovidными парочками, громким смехом, женщинами, за сорок от которых пахло хорошими но раздражающими обоняние в сухом воздухе духами, невоспитанными детьми дошкольного, школьного, и послешкольного возраста, снующие кругом, и прочим контингентом подобного рода, в аккомпанементе с ярким миганием ламп автоматов, от которых непрерывно вырывалась японская психоделическая музыка, полностью перевернуло мое представление о кинотеатрах, да и вообще от сферы развлечений подобного рода. Работы было хоть отбавляй, помимо того, что я должен был обеспечивать непрерывную работу нескольких десятков машин, в которые с радостью скармливали свои деньги посетители, а в замен те им изрыгают несколько призовых билетов, так ещё и объяснять всем как что работает, куда нажимать, что делать, или элементарно как пользоваться карточками по которым шла оплата. Порой они были настолько ленивы и избалованны обслуживающим персоналом, который теперь есть почти на каждом шагу, что не могли хотя бы маленьком подумать, и понять, как что работает, или оглянуться и посмотреть где находится касса, когда табличка висит над их головой, наверное все это не было бы так страшно и так угнетающе если не взять во внимание то что я был ведь совсем не общительным человеком, не любил пустую болтовню, и людей. Дни тянулись медленно, череда глаз, лиц, улыбок, проходили мимо и не находя отголоска во мне, растворялись в пучине дня, повежёт если будет одно два ярких события за смену, придёт кто ни будь из знакомых, которым ты устраиваешь тур по всем своим владениям с волшебным ключом бесплатно запускающим любой автомат, заодно разговаривая о чем ни будь человечном, либо напьётся кто-то и охрана вытаскивает их из общей массы, пару раз даже отключали свет, и это было довольно весело учитывая то что другого освещения там нет, но в основном все было пресно и уныло, в тихие дни я даже умудрялся почитать книжку, но когда были выходные и посетители лились нескончаемым пёстрым потоком, не было времени даже толком пообедать, десятки голосов вокруг и всё они говорили об одном, всё те же фразы, так мало попадалось в них жемчужин настоящих слов. К вечеру возвращаясь домой я был раздражён от всех этих людей, и мне ничего не хотелось: не фильм посмотреть, не музыку послушать, не разговаривать с друзьями, я приходил, ел, и ложился спать, а на следующее утро опять шесть ноль-ноль пора просыпаться и идти на работу.

Но дорога же к ней наверно была самым счастливым часом всех этих дней, уезжал я рано и ещё не было утренней давки, сидишь себе уютно в средне заполненном трамвае или троллейбусе, любишь в их большие окна на сонных прохожих, на многоквартирные дома с их серой величественностью в каждом окне которого мне мерещилась пробуждающаяся жизнь, в каждом своя судьба свои заботы радость и проблемы. Я ощущал как растворяется утренняя дымка, как потихоньку оживают люди и просыпался город, как набирало яркости солнце лениво ползущее из за горизонта, и я чувствовал тепло от его лучей предвещающие жаркий летний день, я слушал музыку, думал, наблюдал за окружающими которые спят с открытыми глазами держась за поручень, я мечтал о чём ни будь хорошем, играл в слова, ощущал что то по описанию подходящее под счастье, мне не хотелось выходить на своей остановке, и возвращаться в этот эстетически грязный мир окружавший меня тогда, который сразу же ошарашивал громким шумом, ярким искусственным светом, и резким голосом начальника, а от счастливого часа не оставалось и следа. Начинался долгий, и совершенно не наполненный каким-

либо смыслом отсчёт двенадцатичасовой рабочей смены, и всю свою сущность мне приходилось забивать в дальний угол, до лучших времен.

Обычно там работают студенты, которым надо подработать один два месяца. Нас было трое, мы разговаривали о чём ни будь простом пока было тихо, шутили пока могли и как могли, вместе считали часы до окончания смены, рассказывали казусы из жизни интересные и не очень, может только лишь для того чтобы заполнить обжигающую сухую шумную тишину вокруг. Были и девушки, но в таких условиях они ничего не вызывали. Я всегда был очень терпелив к жизни, и не срывался когда что-то не получалось или сильно уставал, не исторгал свою желчь и раздражение на окружающих людей, я мог об этом только написать, они же так не умели, и в моих глазах из вполне симпатичных леди превращались в жалобных, помятых субъектов, и ничего не оставалось как брать на себя ответственность в их какой никакой поддержке, чтобы они уж совсем не мутировали. Но были и те что не собирались уходить, конечно это их дело, но я совершенно не понимаю людей которые готовы смириться с такой работой, она вытравливает из тебя всё человеческое и живое, ладно если бы присутствовал физический или какой-либо интеллектуальный труд – это ещё куда ни шло, но это было просто пустое времяпрепровождение при котором от бездействия мог атрофироваться мозг, наверное в таких случаях надо было начинать сплетничать, быть язвительным, читать каталоги различных товаров, так делали те кто там давно работал, наверное это какой то секрет и этот трюк помогает им не чувствовать что их жизнь проходит мимо, они как бы в своей тарелке. Ну а я же все больше начинал ненавидеть людей, насытившись суррогатным общением я разучился нормально говорить и делиться своими мыслями, да и у меня и не было уже их, все вытравлено и зарыто глубоко внутри, я уже не человек, я просто работник, моя жизнь работа, получаю зарплату и сливаю её на алкоголь или что то в этом роде что бы почувствовать себя живым ну или на не нужные мне вещи которыми пользоваться то не успевал из за отсутствия достаточного количества свободного времени, я спал и мне снилась работа, в выходные я не отдыхал а уходил от работы, и как только мои мысли приходили в порядок, мне снова было пора идти на работу, шесть ноль-ноль пора просыпаться говорил мне будильник неживым искусственным голосом который всегда мне напоминал, голос девушки которую я когда то любил. Нету времени остановиться и подумать, я летел в бездну в которой меня радостно встречает яркие рекламы на сером фоне, я разбивался о её холодно розово-синий блеск неона, и уже забывал, что когда-то я думал и мыслил по другому, что я поднимал голову и смотрел на небо, когда был ребёнком я радовался первой травинки, выросшей у меня под окном. Я уже даже не замечал времён года, время летело всё быстрее и быстрее, все праздники для меня потеряли ценность, я начинал все принимать как данность, влился в ритм этой жизни и уже считал это необходимым, что так и должно быть, и что по другому жить нельзя. Ну а под старость, наконец то остановившись в своей погоне за жизнью, я бы понял, что все делал не так и занимался вовсе не тем чем стоило бы.

Расскажу немного о самом месте где я работал, кинотеатры, по идее они не чем не отличаются от таких же бесполезных мест как кофейни, торговые комплексы, бутики одежды, развлекательные центры, вся эта мишура современной повседневности, блеск цивилизации, с зовущими к себе многометровыми баннерами на которых голливудские улыбки актёров сияют в холодной тёмной ночи, возвышаясь над замерзшими редкими прохожими парковки. Всё это до приторности пропахло маслом от попкорна разлитой колой, растаявшим шоколадом. Освещенные экраном залы, басы содрогающие перепонки, очки для каждого, делающий более реальными детали, сего зрелища приводящие массу людей в поллюционирующий восторг, заставляет их сердца трепыхаться а глаза блестеть, почувствуй себя героем, побудь им, незримый лозунг кинотеатров. Вся эта ложная атмосфера веселья, навязанная заботливыми маркетологами, напоминает радость полоумных дебилов которые в свои тридцать пять восхищаются от детской игрушки. Дрянное кино, столь же фальшивое, как пятидесятилетняя про-

ститутка с тонной косметике на лице, которая говорит неопытному юнцу что её никогда так никто не трахал. Меня все это раздражало, я не мог почувствовать тоже что чувствовали они, не мог восхищаться этими же вещами, не мог так просто стать таким же счастливым как они, казалась жизнь у них настоящая, а моя, так, перебивками и фаст-фудами, наполнена суррогатами заполонивших всю мою жизнь, начиная от суррогатного секса в виде онанизма, заканчивая суррогатными эмоциями в виде пьяного прилива эмоций, я чувствовал себя одиноким и неприспособленным, я был озлоблен, я был как будто бы чуть болен, я умирал и гнил в своем внутреннем мире, но не желал иметь ничего общего с тем внешним миром, что видел каждый чертов рабочий день.

Массы по своей сути нельзя любить, они безобразны априори, от работы с ними начинаешь презирать культуру человека. Только личность достойна и прекрасна, особенно та, что не запятнана и не составлена из чужих мнений мыслей и желаний. Когда человек не подражает своим героям, когда он сам герой. Личность самородок. Человек взрослеет и обретает ясность ума он выбирает либо что он сам будет жить и принимать решения, либо будут жить за него, и он выловит все лучшие по его мнению из общества и примет это за своё, иногда это действительно хорошо, но в наших реалиях вылавливают почему-то только то что лежит на поверхности. Казалось что от меня оторвали кусок сердца, когда я услышал как моя шестилетняя племянница попросила у меня купить ей телефон небезызвестной яблочной компании (в 6 то лет!), в такие моменты я все острее ощущал своё одиночество, я ненавидел этот мир, точнее ту часть мира которую я видел, я не сомневался что где то там, где нас нет горит неведомый рассвет, но природа человека была неизменна, люди смотрели но не видели, чувствовали, но не ощущали, думали, но не понимали, а я был один на необитаемом острове вокруг которого сновали весёлые безликие оболочки людей с ведёрками попкорна, сливаясь и перетекая в одну сплошную пёструю массу, и мне было невыносимо больно, и одиноко.

Работал я там чтобы оплатить учёбу в университете, в котором учился, чтобы не работать пять лет, а после, работать уже на более оплачиваемой работе, по крайней мере таким простым казался мне план при поступлении. Сначала за обучение мне платила мать, но потом увидев моё рвение к учёбе, прекратила свои денежные вливания в моё образование. Не то чтобы я плохо учился, я приходил только к сессии закрывал предметы на средний бал, с помощью лекций взятых у одногруппников, кое-как на скорую руку, ведь долго времени на это тратить я не желал, штамповал пару курсовых работ, и так же благополучно больше не появлялся там до следующего раза. У меня не было конкретных целей и амбиций, но я был целиком доволен своей жизнью, до того момента как мне приходилось месяца три в году неустанно где ни будь работать, чтобы потом девять месяцев так же ничем не заниматься. Я очень любил когда у меня было вдоволь свободного времени, я много читал, гулял, развлекался, хотя и сейчас я думаю что единственное достойное занятие человеку, если он конечно не обременён обязательствами или семьёй, это развлечение, или по крайней мере саморазвитие, и я с успехом занимался и тем, и другим. Я не соотносил свою жизнь к тому правильно или неправильно я живу, я просто делал то что мне хотелось, не особо заглядывая в будущее. Конечно моя мать всегда сетовала на мою расхлябанность в этом вопросе, ей всегда хотелось видеть во мне этакое преуспевающего, активного, коммуникабельного, перспективного менеджера с процентной ставкой томагавкам торчащей из головы. Но я никогда не любил, и не принимал, никаких советов со стороны как мне следует жить, и весьма раздражался когда кто ни будь хотел стать моим наставником, пусть даже одновременно и другом в жизни, так что все мои оставшиеся друзья никогда ни за что не осуждали меня, и не порицали, да и сами они были такими же. Единственных людей которые могли бы на меня повлиять в этом вопросе, и вообще помогли бы мне стать более целостной и зрелой личностью, был мой отец, который умер до моего рождения, и судя по рассказам был выдающимся умным человеком, и девушка по имени Настя, которую я когда то полюбил, и которую считал самым умной и подходящий мне представительницей женского пола, она

отвергла меня по тем же причинам по которым миллионы девушек отвергают других парней, и к тому же полностью лишила меня доступа к себе и к своей жизни, зная и понимая, что я никогда так и не остыну, если буду хоть немного соприкасаться с ней, но я так и не остыл, и отчасти вспоминал её на протяжении последних лет трех. Я был весьма обозлен и огорчён этой неразделенной любовью, и не подпускал да и не хотел к себе никого подпускать, хоть и безмерно страдал одиночеством, и неудовлетворенным юным либидо.

Я уже работал третий последний месяц к ряду, денег которые я получу на следующей неделе должно было хватить чтобы оплатить мою учёбу на год вперед, но к слову не платить не учился я дальше я не хотел сознавая фиктивность подобного образования, точнее его неприемлемость на той неинтересной работе которая мне гарантировалась после окончания университета, но делать было нечего, должен был же я идти по какому ни будь «пути», хоть и этот путь мне казался совсем непривлекательным и пресным. Я очень устал, вымотался, и издержался этим девятисто дневным рабочим марафоном, некоторые дни из которых пересекались с летней сессией, заставляя меня изрядно недосыпать, и вызывали желание убивать. От меня улетучился весь смысл жизни который я хоть сколько ни будь чувствовал пока был волен сам распоряжаться своим временем, теперь же я изредка читал в книгах о жизни и сам совсем не жил, по утрам и вечерам я смотрел на пресный вид из моего окна на пятом этаже, в котором открывался панорама на один из самых неблагополучных районов моего города, на огрубленных жизнью и трудом людей, на уродливые частные дома, где если приглядеться можно было увидеть всю весьма тривиальную личную историю их жильцов, и понимал насколько это место не соответствует «книжной жизни» тут не было ничего литературного, пожалуй только какой ни будь Кераук отыскал бы тут для себя кусочек вдохновения. А я желал чего ни будь настоящего, чего ни будь стоящего, я был набит историями, хорошими и не очень, грустными и весёлыми, реальными и полностью выдуманными, мне хотелось чтобы моя жизнь хоть сколько бы смахивала на пресную книжонку найденную где ни будь в пыли на чердаке, на я понимал что это все не зрело, и что я должен сам понять что для меня значит жить, и сам научиться этому, ведь она то! Жизнь это не набор вычурных литературных постулатов, что приятно режут твоё эстетическое чувство когда ты читаешь их в книгах, и больно калечат когда видишь их в статусах молодых людей на социальных сетях, что она намного примитивнее, хочешь быть счастливым не читай книг, но будешь простым, бытовым, и как не странно разбирающимся в жизни которая на самом деле есть, а не придумана худыми интеллектуалами за письменным столом, но упустишь много разветвлений и ниш, которые почти все заканчиваются пустотой бессмысленностью, тщетностью не разгаданной загадки жизни, но до них не сразу дойдёшь, так что по пути ещё успеешь насладиться, но а дальше будет только чистой воды моральный самомазохизм. Я понимал что мне нужен жизненный опыт, я был теоретик без практики, и я цеплялся за любой жизненный опыт, но внешний мир мне как будто бы вообще ничего не давал, все открытия я совершал внутри себя, внутри собственного умственного изыскания. И я хотел перестать испытывать любые потребности связанные с телом, оказаться в глухом доме посреди осени, и опять уйти в книги, может тогда бы я и смог к чему ни будь придти, но увы такого дома у меня не было. Мне нужно было именно суровое одиночество и изоляция, чтобы вообще не было никакой грязи и соблазнов, мне нужно было успокоиться, найти как бы собственный стабилизатор, некую константу, за которую я бы мог ухватиться и держаться и развиваться, а не менять свой цвет полностью как инженер-лось сквозь сотни световых лет.

Мое отношение с людьми было весьма сложным в тот момент, с одной стороны во мне было достаточно много юношеского и мужского тщеславия, благодаря которому я всех вокруг считал тупицами, особенно взрослое поколение, во вторых. и люди меня не понимали, и считали не то что бы глупым, а скорее не от мира сего, да и друзей то у меня было всего трое, одна из них была девушка Кристина и двое ребят, Егор её муж, и Сева наш общий друг, ещё больше обалдуй и бездельник чем я, его путь ему никак не представлялся, по крайней мере мы никто

не знали чем он занимается кроме того как сидит дома и изредка выходит чтобы покататься на велосипеде, или выпить пива, а потом ещё чего ни будь до самого утра. Иногда мы встречались но делали это несколько лениво и растянуто во времени, мы давно и хорошо знали друг друга, а сплетничать не любили, так что говорить мы могли только о чем ни будь неважном, и смешном, понукая и играя на слабостях друг друга, чьи все прекрасно знали (у меня например это была Настя), вообще я любил все эти посиделки, но иногда начинал уставать от них и мы подолгу не виделись, что все считали вполне нормальным явлением.

Меня постоянно грызло чувство несправедливости, неправильности действий по поводу того что я убиваю своё лето на эту работу. Там почти нету окон, как и в любом кинотеатре, и я даже не успевал прочувствовать как прошёл день, выходил когда уже темнело, и только разогретый за день пышущий теплом асфальт напоминал мне о прошедшем солнечном дне который уже никогда не вернуть.

2

Заканчивается моя смена, потихоньку грустным гудением засыпают автоматы и гаснут лампы огромным каскадом висячие над ними. Зал без людей и электричества выглядит очень одиноким и умиротворённым. Завтра у меня выходной, я рад и в то же время почему-то печален. У меня было непонятное настроение и ощущение, что именно сегодня должно что-то произойти, такое не раз было, но я вскоре убеждался что это самообман, блеф злодейки судьбы, но всё же прикупил в баре связку пива, чтобы хоть как-то компенсировать ожидавшее меня разочарование. Выйдя на улицу меня обдал свежий вечерний воздух, рядом стояли последние такси и моторы их тихо гудели дожидаясь запоздалых клиентов. Залитая желто-золотым светом фонарей почти пустая улица, огромные тополя даже с подрубленными для безопасности ветками не потерявшие своей пышной зелёной величественности ещё больше обострили мои ощущения. Только как обычно болели ноги, хоть я уже и привык проводить целый день стоя.

Лениво скользя помечтав, как это обычно бывает, сто раз заезженная мечта очевидная и простая, но так приятно прокрутить её немного ощутив то что она может тебе подарить в случае своего исполнения. О лете. Лето. Как же я хотел себе настоящие лето как я хотел друзей у костра, подружку, которая смотрела бы на меня своими огромными расширенными зрачками, прижималась тепло и уютно, я бы ощущал запах её волос, мы бы вместе любовались раскинутым звёздным небом над нами, слушая не замысловатые гитарные песни. Вместо этого у меня пародия на жизнь, её отголоски. Картинка пропала. Я стою на выходе, в лицо дует теплый сухой воздух, негромко переговариваются курящие рядом охранники. Бывшие военные судя по их обширным грудным клеткам, кивнув им я иду дальше, чувство потери свербит у меня в груди, что же позволю себе сегодня немного погрузиться. Моя неприязнь к работе ещё больше окрепла, но мне было лень сейчас злиться, всё это было уже для меня как данность, мой крест который я должен нести, ничего не поделать, и лишь где-то впереди постоянно маячил запах перемен, надеясь на которые я продолжал просыпаться в шесть ноль-ноль, мне вспомнилась строчка из одной песни «Всё будет хорошо, непременно, с завтрашнего дня или с понедельника чудо обязательно произойдёт в новый год, или на мой следующий день рождения. Бесконечное одиночество...» Пауза, в горле застрял комок. Черета образов пронесли в голове: девушка с которой мы пересеклись взглядами в автобусе, шашлык на даче с друзьями, ожидавшая меня дома новенькая уже как пару недель купленная непочатая книга, оглянувшись вокруг оценив прекрасную погоду, сглотнул комок, полегчало. В целом я всё больше уставал утопал и уходил в себя, я начал ненавидеть время, точнее постоянно хотел чтобы оно быстрее шло, прошла смена, неделя, месяц, пришла зарплата, наступила осень, и я пошёл на учёбу, чтобы потом снова работать, но там будет получше, там будут больше платить за меньшее количество часов, о счастье! Возможно там даже надо будет думать, но это конечно не факт. В тот день я решил не спешить возвращаться домой, и гонимый мыслями побрел пешком к неясной мне цели.

Я шел не спеша, разглядывая пустые скамейки, редких прохожих бредущих домой, всякий хлам оставленный на улице после долгого у всех разного дня, вот возле фонтана валяется лопнувший шарик и испачканный платок, наверное, малыш расплакался что он лопнул, такое огорчения для него конечно, нельзя чтобы шарики лопались, а мама вытирала ему слёзы, и так измоталась и избегалась со своим миром, заключенным в семье и ребёнке что и не выкинула в урну. А я рад, благодаря этому увидел эту печальную картину, ну и что, куда деться без печали, не только же веселиться, вот свадебная белая лента видимо отцепилась от машины, когда кортеж проезжал мимо, какие замечательные приоритеты у них, семья, брак. Хорошо, что есть такие люди, и такое происходит, когда ты сам к этому не хочешь иметь какое-либо отношение, а без этого ведь никак, молодцы они, а ты нет, ты плохой, ошибка общества, рако-

вая клетка, не желающая выполнять свою функцию и подбивающая на это другие клетки, вот тебе и толкуют ты должен учиться, работать, жениться, должен! Должен! Проехал понурый вечерний автобус, и я пересёкся взглядами с немногочисленными его пассажирами. Почему так поздно? Вероятно, у каждого из них своя история на этот счёт, кто-то спешит к подруге, кто-то бежит от скуки, или же просто так вкусить частичку ночной жизни города, вероятно каждый из них мог бы остаться сегодня дома, но наступивший вечер их куда то понёс. Дальше я уже серьёзно взявшись за дело мечтал, чтобы со мной чтонибудь произошло, я уже и придумать ничего такого не мог, чтобы кардинально изменило мою жизнь, изменило моё отношение к себе, отношению к женщинам, к жизни. Я хотел встретить кого ни будь, даже мимо проститутки я бы не прошёл, но её все не было, где же ты моя спасительница в короткой юбке и на высоких каблуках? Да кто угодно, способный повлиять на меня, пусть даже этот кто-то, или эти набьют мне морду, превратят в кровавую лужу, как в том фильме про мыло, опять он, а очнувшись в реанимации я по другому стану смотреть на мир. Это лучше, чем пустое ничем не наполненное существование, изо дня в день вытравливающая из меня всё живое, нельзя же так много мечтать.

Проходя мимо городского парка я соблазнился его статностью и умиротворённостью, ноги всё больше болели, и я решил зайти посидеть, парк был большой и чистый, растительность уже набрала своей силы, и даже терялось ощущение того что ты находишься посреди города. Я добрел до дальней скамейки, стоявшей как-то отделившись от общего строя, она была старая, ещё советских времён, наверно про неё просто забыли и не заменили на новую, размышляя сколько на ней был надумано, высказано, и сделано бесчисленным потоком людей за все эти годы, я присел и достал из своей сумки одну из припасённых банок пива. Шипящий звук выходящего из неё воздуха сразу пробудил во мне жажду, кадык запрыгал вливая в пустой желудок холодное пенное зелье. Я развалился на скамейке запрокинул голову и уставился на небо ожидая алкогольной эйфории, и уже было решил просидеть так до самого рассвета смакуя своё меланхоличное одиночество и поглощая банку за банкой, хороший подвиг для современного мира не правда ли?

Но вскоре меня вырвал из пучины резкий, приближающийся ко мне со стороны прорешины в заборе за моей спиной, женский и мужской смех. Я хорошо знал эту часть города и сразу понял, что кто-то сбежал из бара, что был неподалёку. В другой раз я бы предпочёл остаться незамеченным для них, но в силу своего брэнного настроения сидел дальше на скамейке. Голоса приближались, и я всё же захотел уйти, но уже поздно, остался. На минутку мне показалось что я и не хочу никого встречать что я люблю своё одиночество, а это жгучая ноющая боль под солнечным сплетением лишь напускное, что мне будет ещё хуже с кем-то, что я совсем не пригоден в этом мире, наверно родился не в то время не в том месте, они подошли ближе я уже мог разбирать слова.

– Обожаю так делать, сколько мы не заплатили? послышался мне громкий немного с хрипотцой какой обычно бывает у курящих людей, но приятный женский голос.

– Да не знаю, тысячи три. Ответил ей уже мужской голос. Я усмехнулся ушли не заплатив, как романтично порой не платить в барах или воровать книжки, я так не делал, но это безумно романтично, наверно...

Они уже почти вышли на мою скамейку, и чтобы не напугать их, да и по случаю опустошения моей первой на сегодня алюминиевой тары, я достал новую и открыл со смачным звуком, не знаю зачем быстро надел наушники не упустив полузакрыть глаза.

Они подошли и уставились на меня. Меня это несколько смутило и я вытащил один наушник и посмотрел на них. Это был парень лет двадцати пяти, здоровый с густой щетиной, у него было мужественное, но доброе, как бы покровительное лицо, и короткая стрижка, от него просто веяло силой, и девушка которую я уже где то видел, с красивым веснушчатым немного стервозным, но милым женственным лицом, которое обрамляли длинные каштановые волосы,

она безусловно мне понравилась сразу же ещё тогда когда то очень давно, как я и предполагал в одной руке у неё была сигарета. Она красиво выдохнула дым, дешёвый, но эффектный трюк особенно с этими подвижными изящной формы бровями, хотя этот жест скорее был машинален как и многие жесты у многих женщин заставляющие смотреть на них с изумлением.

– Не заплатили в баре? наконец сказал я чтобы прекратить тишину, я чувствовал себя виновным за то что я встретил и прервал их весёлый поход.

– Я хотела заплатить, но он мне не дал, сказав что никогда не платит барменам мужчинам. Сказала девушка и ткнула парня в бок.

– Моими стараниями когда ни будь в барах бармены будут только девушки. Сказал парень и присел рядом, с задумчивым видом посмотрев вперёд, видимо представляя как все бармены превратятся в знойных красавиц, и наверное было бы неплохо если бы все учителя, врачи, водители, и много ещё кто последовали их примеру.

– По моему отличная идея. Подхватил я, и так как мне нечего было больше сказать, да и говорить я особо ещё не хотел, выпил из только что открытой банки пива. Услышав глотки парень с тоской посмотрел на меня, и мне ничего не осталось как достать из своей сумки одну из припасённых банок, и угостить его.

– Спасибо. Сказал парень и живо открыл свою банку, видно было что они вдвоём давно уже «навеселе», и даже если постараться мне не скоро удастся догнать их.

– Не за что. Сказал я и мы стукнулись банками.

Девушка была полна энергии, буквально пританцовывала и игралась с ветром возле нас, было ли это алкогольное опьянение или не алкогольное, либо она само по себе была такой я не знал, но все это выглядело весьма комично, и красиво.

– Ты что тут грустил сидел один? Спросила она когда ей чуть поднадоели её танцы.

– Да, вот пива прикупил себе, думал посидеть немного.

– А тут ворвались мы! Сказала она и провела двумя холодными ладонями по моим щекам, и продолжила свой танец, ибо ветер задул с новой силой.

– Ты уж нас извини, сказал парень. – Меня Серёга зовут, а эту танцующую с ветром вроде бы Юля, и её ты тоже извини. Сказал парень ухмыляясь и девушка в знак согласия сделала неопределённый танцевальный жест.

– Вы только что познакомились? Мне всё больше нравилась одухотворенная особа передо мной, и я бы вероятно выдал себя если бы они не были так пьяны, хотя может и не были.

– Да не то что бы, но не сильно давно, но сейчас успели как следует напиться, по крайней мере я, так что считай мы теперь с ней друзья навеки. В подтверждение он зычно рыгнул, и Юля в знак неодобрения подобных жестов начала потихоньку удаляться, уплывать от нас, приближаясь к самому яркому кругу на земле под ближайшим фонарём. Я ласково смотрел на неё, и Серёга это заметил.

– Знаешь, познакомься с ней. Сказал он мне на что я удивленно на него посмотрел.

– Я не хочу сказать что она шлюха. Продолжил он. – Просто познакомься, а дальше как пойдёт, познакомься поближе. Повторил он и снова рыгнул и выпил.

Я понятие не имел как я могу с ней поближе познакомиться, и что пойдёт дальше, но очень желал это сделать, и так как ничего не мог придумать, решил что мне стоит выпить залпом очередную банку что лежала у меня в руке, и тогда я уж точно чтонибудь придумаю. Серёга ухмыльнулся увидев мой этот жест отчаяния и дружески похлопал по плечу, мне раньше очень не нравилось когда ко мне вот так кто-то прикасался, но на этот раз это было так естественно и приятно, что мне даже понравилось.

Погода наращивала свои обороты, в воздухе чувствовалось напряжение, ветер дул все сильнее и сильнее обдавая приятной прохладой, зашумели почти забренчали листья деревьев уже с пару недель дожидавшиеся дождя. Юлю все это ещё больше подбадривало и она

словно бы парила, равномерно медленно кружась, казалось что она потихоньку поднималась по спирали вверх, в своём легком платье, подхваченная ветром и шумом штормовой погоды.

Вдруг она улыбнулась куда то и резко побежала в противоположную сторону, как оказалось позже, там были охранники которых выгнали ловить пропавших не оплативших счет клиентов, и которые вовсе не хотели кого бы то ни было ловить. Но Юля побежала и побежали мы с Серёгой вслед за ней, не особо понимая зачем это делаем, ветер и шум погоды придавал радости и энергии, казалось что я влился в какую то колею, и я удивлялся почему никогда этого раньше не делал, не бежал вот так посреди ночи в парке подхваченный ветром, за красивым мерцающим образом в воздушном платье от которого до меня долетал приятный аромат её духов, казалось что ничего раньше не было, и что ничего не будет, казалось что вся моя жизнь и есть именно этот бег, мне очень захотелось хохотать и смеяться что я с удовольствием и делал как делала и Юля и отчасти Серёга пока не запнулся, не упал и не расшиб себе лоб потеряв сознание.

Когда это случилось, мы были уже на противоположной стороне парка, и от предполагаемых охранников не было и следа. Место где мы остановились было освещенной окружной деревьями небольшая зеленой аллеей сквозь которую проходила тропинка, чуть позади нас торчал корень дерева, об который запнулся Серёга, но упал он мягко только небольшой камень лежавший как раз там где приземлилась его голова сыграл злую шутку. Перевернув его я обнаружил небольшую шишку над правой бровью.

– Обычно люди не вырубаются от таких ударов, наверно он просто уснул от алкоголя. Сказал я, девушке показывая ей его.

Но Юлю это объяснение не устраивало, да и меня если честно тоже, наверно я хотел казаться более развязным. И мы решили отвезти его в травмпункт, мне пришлось волоком почти в одиночку на своих плечах дотащить его до края ближайшей дороги, и положить на небольшую лавочку, коих к счастью в нашем городе было достаточно много, вызвали такси и стали ждать, скорую вызывать было бессмысленно это бы затянулось на целую ночь, так что мы просто решили увезти его на осмотр. Юля конечно же сразу поменялась в своем настроении, и резко устала, я сидел придерживая Серёгу чтобы он не свалился, а с другой стороны на меня облокотилась Юля и сонно зевала смотря то на Серёгу то на меня. Ветер все сильнее дул и я почувствовал её рядом, я не сдержался от наплыва нежности подгоняемого алкоголем, и сказал ей что она очень красивая девушка, на что он чмокнула меня в щеку и продолжила дремать с открытыми глазами. Такси приехало через минут пятнадцать, таксист оказался простым парнем лет двадцати, и не задавая лишних вопросов помог разместить Серёгу на заднем сиденье, а так же потом внести в травмпункт, который был не так уж далеко. На осмотр его приняли быстро, там было всего несколько пациентов, один весьма плохом состоянии, с окровавленным избитым лицом, и кажется сломанным носом, и два с немного подбитых, видимо его друзья, или тех кто просто решил вступиться, и привести его сюда. Нас попросили подождать в приемной, и Юля окончательно задремала у меня на плече, мне нравилось ощущать её тепло и тело и я готов был сидеть так до утра, но вскоре Серёга сам самостоятельно вышел из приемной, с пакетом льда который изредка прикладывал к разбитому лбу. Мне показалось что он совершенно не терял сознания, а просто притворялся, в чем он мне по секрету через долгое время и признался, смысл этого действия я так до конца и не понял. Юля уже спала и я предложил Серёге всем вместе поехать ко мне домой, чтобы спокойно переночевать, нам не хотелось будить девушку и допытывать её где она живет, мы были истинными джентльменами.

3

В квартире у меня было две кровати, одна была матери, а вторая моя, я думал как нас всех уложить, но Серёга решил эту проблему просто. Когда он зашёл в квартиру, он стукнулся плечом об косяк, громко выругался, рыгнул, и проследовав по инерции в комнату моей мамы рухнул поперёк её двухместной, хорошей, чистой, заправленной кровати, я улыбнулся представив реакцию своей мамы если она все таки была дома, и ещё бы только ложилась спать, или уже спала. Юля ненадолго посетила ванную комнату, и выйдя оттуда умытой и ещё более уставшей спросила куда ей лечь, я предложил ей покушать, или попить чая, и услышав отрицательный ответ проводил её в свою комнату, молясь о том чтобы она не заметила тот хаос что творится там, к счастью окно весь день было открыто и теперь там было свежо и прохладно. Она ловко скинула платье оставшись в одних трусиках, и живо пробралось под одеяло полностью свернувшись под ним клубком, и почти сразу уснула возле стенки на моей кровати. Я пошёл на кухню налил себе чай, приготовил небольшой ужин, и уже полностью отрезвев, спокойно покушал прислушиваясь к звуку дождя который как раз успел начаться как только мы вошли в дом, кот разбуженный ввалившимся в дом Серёгой затребовал у меня свой законный ужин, и я быстро вылил ему в миску пакетик жидкого корма вперемешку с сухим.

Доев, и сидя на кухне один в тишине, я мысленно прокрутил в голове этот сумбурный вечер, и был слегка озадачен этим легким знакомством, и тем фактом что почти незнакомые люди спят в моей квартире, но то что в моей комнате под моим одеялом спит миленькая красивая девушка компенсировало моё беспокойство, я взял ещё одно покрывало и подушку и улёгся на свою большую кровать с другой стороны, места там было много и каждый из нас бы мог позволить себе даже немного «раскинуться» при этом не задеть друг друга. Юля спала спиной к стене и из под одеяла было видно только закрытые с длинными ресницами глаза, немного полюбовавшись на них при сумрачном свете, я спокойно уснул под звук бившихся об окно капель дождя, на улице был настоящий ураган.

Проснулся я от шороха страниц, было уже утро, но это совсем не чувствовалось, небо было сплошь затянуто тучами и в комнату доходил лишь слабый отпечаток света. Юля рассматривала лежавшие в предназначенном для них углу книги на полу. Я содрогнулся когда увидел у неё в руках мою тетрадку со стихами, которую она по видимому успела если не прочитать, то пролистать, только она могла так шуршать, ибо страницы у ней были исписанные, и затасканные кое-где виднелись отпечатки кофейных кружек, и непонятные неопределенные рисунки, которые я машинально рисовал между строками, пока был в своих мыслях. Совсем недавно я написал туда примерно такой стишок:

Болью накладывается час на час, минута на минуту, и каждая секунда отдаёт хрипом стука испорченных старых настенных часов, они давно знают когда я буду мертв, когда я закрою свою дверь на засов и вспорю вену из которой вытечет весь остаток, так и невысказанных мною слов. Я мёртв. Мой друг я давно уже мёртв.

*Не повидать мне больше снов, не поесть обеды,
не порассуждать о небе,
не помечтать о лете..*

всё что я сейчас мог это сказать пару слов, на прощанье, и я не ищу себе оправдания, просто моё время пришло, я давно к этому шёл, я вас никого не виню, никого не люблю, ничего не хочу, ничего не могу. Я устал. Ухожу. Я умру.

Мне повезло что оно было в этой тетрадке, а не на отдельном листке написанное например кровью, мне конечно было плохо, но кончать жизнь самоубийством я не собирался, мне надо было просто об этом написать, я всегда так делал когда меня что то сильно мучило, ничего другого так не помогало мне избавляться мне от своих чувств.

Вот например, ещё одно, написано оно было после того как меня немного избили за мой же длинный язык.

*нос разбит, сознание смято
кровь течет, вокруг все в пятнах
тут узор, а там печать проклятья
в руках дрожь, в костях излом
мне бы вспомнить где мой дом
я не умру а просто встану
залечу любую свою рану
доползу доберусь достану
от спасенья не воспряну
ещё чуть чуть ещё бы шаг
я на пороге не провалившись в мрак
так хотелось бы упасть в нежный омут этих врат
и забыться и замкнуться
в небытие бы окунуться
но я не умру а просто встану
и залечу любую свою рану.*

Мой друг которому я показал его сказал что это похоже на русский рэп, и я посмеявшись совсем забыл и про этот стих, и про то что мне кто то побил. Кроме того там было много стихов про одиночество, а до это про неразделенную любовь, многие, да почти все из них никто не видел, они были несуразными, неуклюжими криками моей души, грязью и отходами моей сущности, и я никому не хотел портить ими жизнь.

Юля заметила что я проснулся, но ничего не сказала, она уже была в своем платье, и быстро перебралась на свое прежнее место, и немножко нежно как бы по матерински обняла меня, у меня спала легкая напряжённость по поводу того что она увидела всю мою «грязь» и я отдавшись моменту с удовольствием уткнулся ей в шею, и впервые в жизни почувствовал и запомнил её запах, который сразу же полюбил.

– Ну все хватит. Она легонько похлопала меня по спине. – Я так голодна. Я отпустил её и пошёл готовить завтрак, Серёга ещё спал, когда я прошёл мимо него, и решил принести ему большой стакан воды, чтобы он быстрее пришёл в себя.

Надо бы написать о том в каком состоянии я тогда был, помимо того что очень устал от работы, я страдал биполярным расстройством. Обычно когда пытаешься объяснить людям что это значит, начинаешь со слов, что это перемены настроения, и они сразу же думают, что это какой то легкий диагноз, ведь у всех бывают перемены настроения думают, либо говорят они и уже не воспринимают тебя всерьёз. Я попробую рассказать об этом своими словами, а не твёрдым научным языком что вы увидите если немного погуглите. Я не болел им с детства, и чувствовал себя вполне нормальным до лет девятнадцати, до того момента как не произошла история с Настей, именно тогда я научился говорить ямбами и каскадами, словесными перепадами, рисуя цветы словами, тогда я и начал писать стихи. Мне тогда было очень больно, так больно как никогда в жизни не было, и если бы моя боль по юношеской запальчивости хоть немного не преобразовалась в агрессию, я бы скорее всего сгорел бы, сошёл с ума, или покон-

чил жизнь самоубийством, а так просто проснулся в ванне с пустой бутылкой водки и ножом в руке. Я был несчастлив и моя болезнь прогрессировала и развивалась вместе с моим несчастьем, прошло пару лет прежде чем я понял чем я болен. Вообще то, это перепады настроения, в моем случае от чрезвычайно депрессивного и длительного периода, к менее короткой вспышкой очень хорошего, я бы даже сказал дебильного состояния, когда, весь мир игрушка и надо во все поиграть, и ты даже всех раздражаешь своей энергичностью, затем наступает третья фаза, когда ты понимаешь что происходит и пытаешься хоть что-то успеть наладить в своей жизни, чтонибудь предпринять, и хоть чтонибудь запланировать, пока снова не наступила депрессия, и все планы и мосты не полетят к чертям.

И сейчас, именно в этот момент начиналась первая фаза затяжной депрессии, которая с каждым разом становилась все хуже и безжалостней. Я чувствовал что она скоро придёт, именно поэтому я и купил вчера себе пива, чтобы хоть как-то нивелировать этот «обрыв», теперь когда я стоял и готовил себе завтрак, я не ощутил привычного холода, который должен был непременно начаться с утра, к вечеру привести меня в истощение, потом протаскать ещё всю ночь, не давая уснуть, и только под утро, когда я уже буду весь в слезах сползший с кровати валяться скрюченный на полу от холода и боли, он немного отпустит чтобы я хоть чуть-чуть поспал, а на следующий день все начнётся сначала, если я конечно не пойду на работу. Сегодня его не было, таблеток я никогда не пил, я видел людей под ними, и жизни в них было совсем чуть-чуть, а я все же не хотел плавать под водой, мне даже несколько нравилось всё это чувствовать, отчасти я был моральным самомазохистом наверное, ну это я говорю сейчас когда у меня хорошая фаза. Я стоял и готовил всем нам завтрак, и чувствовал лишь лёгкую колкость внутри, на удивление я много поспал благодаря алкоголю, и как мне показалось Юли, так что наверное это поспособствовало моему сегодняшнему иммунитету, да и присутствие посторонних и новых людей не давало мне расслабиться.

Я позвал Юлю в зал когда все приготовилось, это были блинчики с творогом, я хотел приготовить чтонибудь вкусное да и побольше времени провести на кухне, за готовкой мне лучше думалось и я мог все заново переоценить. Серёга ещё спал, и мы не стали его будить, Юля одела одну из моих длинных маяк, сказав что в платье не удобно, она была ей почти до колена, и я вспомнил как однажды провел очень гнусную ночь в ней, в чужой квартире, с кучей безразличных ко мне людей, и в чудовищном бэдтрипе, в таком что я хотел вызвать себе скорую, а руки у меня не двигались, с тех пор я её постирал и не одевал, и привил в себе отвращение к любым видам наркотиков. Вспомнив это меня чуть передёрнуло и я усадил Юлю за стол.

Кофе и блинчики в атмосфере этой погоды за окном быстро придавали сил и тепла. Мы быстро поели немного разговаривая ни о чём. Я пересел на диван удовлетворившись этой бренной трапезой, чтобы принять более комфортную позу для полного живота, и невольно увидел красивые скрещенные ноги Юли что до этого скрывались от моего вида под столом, похоже они слегка замерзли и я сказал ей чтобы она быстрее шла в постель.

Юля удивленно приподняла бровь, спокойно сказала ладно и ушла.

Я зашёл в свою комнату. Юля лежала на своем прежнем месте и по-видимому ожидала от меня каких то действий, я развернул монитор к кровати включил фильм, драму с элементами комедии, и тоже лег на своё прежнее место. Фильм оказался лёгким и не таким который надо внимательно и упорно смотреть чтобы ничего не упустить, так что у нас осталась время чтобы перегляднётся и немного поговорить. В общем то это была весьма неловкая сцена, да и я чувствовал себя неловко, на толковом свидании я очень давно не был и совсем позабыл что надо говорить и делать, но свиданием это нельзя было назвать, но я все равно немного беспокоился. На помощь пришла Юля, которая в одном из драматических моментов накинула на меня своё одеяло, придвинулась ко мне и прижалась сбоку, зажав мою ногу между своих

бёдер. Затем когда момент закончился и снова можно было передохнуть она перевела не меня взгляд и спросила:

– Зачем ты все это написал?

– Мне было плохо. Честно ответил я.

– Не думала что людям бывает так плохо что они от этого пишут такую несурезицу в какую то книжку. Сказала Юля шутливым тоном, но было видно что она немного обеспокоена, и она сильнее сжала мою ногу.

Я почувствовал лёгкое возбуждение, от этого жеста которое продолжало нарастать, и скоро могло быть замечено. Оно началось как только я до конца расслабился и почувствовал себя комфортно вместе с ней. И я немного отодвинулся будто мне было неудобно лежать, и получше прикрылся одеялом. Юля ничего не заметила, или заметила, этого я не знаю, но мне тогда совсем не хотелось с ней спать, точнее так желание вот так вот нежно и тепло вместе лежать, было больше чем желание её поиметь. К тому же, я все ещё не хотел её к себе подпускать так как боялся боли, и опасался что секс все может испортить, так мы и лежали, и смотрели фильм.

Он как раз закончился когда проснулся Сергей.

– Там твой завтрак на столе, иди поешь. Сказал я ему когда он шатаясь заглянул в нашу комнату, и увидел как мы в обнимку лежим и смотрим титры.

Он ушёл кушать ничего не ответив, и мы вновь остались вдвоём, играла незамысловатая сопливая песенка печальной концовки, и я вдруг почувствовал тот холод который так долго скрывался и поджидал меня за углом, я понял что скорее всего мне сейчас придётся расстаться с этой нежной теплой красивой Юлией, что смотрит на меня глазами с наворачивающимися слезами от фильма с печальным концом. Возможно не навсегда, но я так не хотел её покидать, я так не хотел чтоб она уходила, и эмоции и холод взяли вверх, и тоже накрученный фильмом я как маленькая девчонка разрыдался повернувшись к ней и зарывшись в её шею и волосы, мне хотелось чтобы она согрела меня, приласкала как маленького побитого ребёнка, спасла меня от этого холодного полного ненависти ко мне мира, и я не мог сдерживать слез свернулся, и уткнулся в неё пока меня наконец, после нескольких минут содроганий и конвульсий не отпустило. Юля инстинктивно понимая что нужно делать осторожно поглаживала, и приобнимала меня лаская, пока я не успокоился. И мне вновь стало тепло и хорошо и даже нисколько не стыдно, я почувствовал себя свободным и опустошенным, но опустошенным по хорошему, будто все плохое, а почти только это и было во мне, вышло из меня открыв место для чего то нового и лучшего.

– Ты что с ним сделала? удивленно спросил Серёга запечатлев эту сцену.

– Иди за машиной. Сказала Юля продолжая меня поглаживать.

Серёга с удивлением посмотрел за окно а потом оделся и вышел на улицу захлопнув на замок за собой дверь.

Когда я пришёл в себя и умылся я рассказал Юле, все о себе, все о своей болезни, о Насте, о работе, о холоде, она слушала меня и успокаивала продолжая поглаживать и мне никогда не было так тепло. Вскоре позвонил Серёга и сказал что скоро будет, уже близился вечер, и скоро домой должна была вернуться моя мама.

– Сейчас мы поедим ко мне на дачу собирайся. Сказала она. Я нисколько не удивившись накинул на себя теплую одежду что попала под руку, и быстро привел квартиру в прежнее состояние, мы наскоро пообедали вчерашним супом, и принялись ждать Серёгу, уже темнело и он вот-вот должен был подъехать.

– Можно я ещё немного побуду слабым сейчас, а потом всегда постараюсь быть сильным. Спросил я Юлю.

– Конечно. Ответила она и я лёг положив ей голову на колени пока мы не услышали сигнал за окном.

Я сел в машину пока, Юля и Сергей недолго переговаривались возле моего подъезда, все ещё лил дождь и на небе сгущались тёмные жирный грозовые летние тучи. Меня охватил лёгкий мандраж, и круговорот мыслей завертелся в моей голове. Куда я еду? Зачем? Что они там обсуждают? Меня не сегодня так завтра потеряют дома, хотя что мне терять. Я посмотрел на них через стекло, вроде бы не плохие люди, зачем я им, Юля хорошая, но помни что с тобой сделала последняя девушка что ты подпустил, я сильно много думаю, думаю, думаю, и всё порчу своими думами, надо просто расслабиться, и плыть по течению не ища подвоха, сделай это ради себя хоть раз, убери свою оборону хоть на час, упавши в пучину её глаз, хотя не стоит пытаться к ней лезть, ничего не делай. Наконец что-то необычное в моей жизни, то чего я хотел, о чем мечтал и просил, радость чего-то нового и не изведенного овладела мной, и я больше не сомневался в правильности моего выбора. Машина была небольшим минивэном, её багажник был забит какими-то вещами, примерно так же мы собирались с семьёй на Байкал, под ногами валялись бумажные обертки от фаст-фуда и пустые бутылки. Юля чему-то согласилась растерянно разведя руками, и они пошли к машине, вторая задняя дверь приоткрылась, и она глядя на меня блестящими и хитрыми глазами уселась рядом. Серега завёл мотор, включил музыку, и мы поехали с довольно быстрой скоростью куда-то по городу. Слышно было как ветер завывает и бьёт по машине немного крена её, крупные капли били по стеклу, у меня вдруг от всего этого пошли мурашки по коже, я всегда отличался острой эмоциональностью, на такие казалось бы тривиальные моменты, уже совсем стемнело и я уже хотел было замечтаться в этом состоянии смотря на ночной город и грозу, что я бы и сделал если бы не Юля, она начала с того что внезапно положила мне руку на коленку, чем не мало ошарашила меня, потом так же неожиданно как к испуганному дикому животному которого хочет приручить потихоньку прильнула ко мне, как только я захотел сделать какие либо ответные действия она отстраняла меня и через некоторое время снова начинала играть, то покусывала мне мочку уха, поворачивала моё лицо к себе прожигая меня насквозь своими огромными блестящими глазами, то опять отдаляясь отвернувшись к окну и в лице её проскальзывала печаль, а потом так же резко загораясь снова, играла со мной дразня и обнимая, от неё очень вкусно пахло. Мне быстро надоели её игры, я хотел её, и взял инициативу на себя, она похоже давно этого ждала, и как бы механично начала снимать с меня одежду, я кажется утонул. Утонул в блаженстве прелюдии, в этой еле знакомой мне женщине что спасла меня сегодня утром которая так умело расшевелила и возбудила меня, желание всё больше нарастало, оно колотило во мне древними инстинктами, жар сближения воспалил мозг, предвкушение в наивысшей точке, даже замученный от жажды в пустыне путник так не хотел воды как я её. Каким-то чудом я успел заметить, что Серёга наблюдает за нами в зеркало, в его взгляде не было ни ревности, ни злости, ему нравилось то что происходит, он прибавлял скорости мы ехали уже где-то за городом, свет фар летел впереди освещая столбы воды и мокрый сине серый асфальт. Юля уже не отвлекалась ни на что кроме меня, музыка, гудение мотора, трель падающих капель, редкие проезжавшие мимо машины мелькающие двумя огоньками в окне, все это слилось в один живой пульсирующий организм, я никогда не испытывал ничего подобного, все мои желания, все мои мечты, всё слилось в один момент, я на мгновение пропал из этого мира времени и увечий, и очутился в не постижимом мире где нет ничего кроме нас двоих и наслаждения.

Места на заднем сидении было много, мы лежали обнявшись у Юли быстро вздымалась грудь, мне было хорошо. Я смотрел на её великолепную родинку возле которой лежал нагрудный крестик, освещённый слабым светом от приборной панели. Глаза слипались, я никогда в это время ещё не засыпал я вообще очень мало и плохо спал, но в этот раз укачиваемый машиной, и утонув в спелом, едва уловимом запахе её тела и теплоте я уснул. На этот раз без снов.

4

Я проснулся в холодной сырой постели, рядом ощущалось ещё теплое место, где кто-то тоже недавно лежал. В окнах покачивались кроны деревьев на фоне серого неба, все дребезжало и завывало, казалось, что стоит ветру и дождю усилиться, как крышу сорвёт и унесёт вместе со мной. Проснувшись я сразу улыбнулся, и сам ещё не понимая чего мне улыбаться этому серому месту начал вспоминать кто я, потихоньку всплывали картины вчерашнего вечера, которые одновременно немного возбуждали и удивляли меня. Сегодня у меня выходной, хотя это уже не важно. Не смотря на головную боль, мрачную погоду и отсутствие одежды на мне, настроение было хорошее. Запах жареных помидоров с яйцами доносился с первого этажа. И резкий зов моего пустого желудка проверить не осталось ли там ещё источника запаха, заставил меня вылезти из-под одеяла. Прохладный воздух словно обжигал мое голое тело, и я с недолгой дрожью в спине поспешил натянуть на себя шерстяной плед что лежал рядом, потом собрал все воспоминания в кучу от которых стало как-то сухо во рту, дурно, провёл рукой по уголкам губ и глаз, и лениво встал с постели. Пол заскрипел, и я осторожно ступая спустился вниз по крутой узкой лестнице, которая упиралась в стену и продолжалась на изгибе.

Внизу на веранде завтракали Юля с Серёгой, заодно смотря на планшете серию какого то лёгкого ситкома с закадровым смехом. Комната была грязная, и не опрятная, кое-где под окнами и под дверью протекала вода, но стол с дымящимся только что приготовленной сковородой глазуньи и тремя кружками горячего кофе, сильно придавал уюта и манил. Я в чем было сел на подобие длинного твёрдого дивана с трех сторон окружавшего стол, и с жадностью принялся за еду.

– Я уж думала ты до вечера проспичь. Сказала Юля, слегка улыбаясь и положив мне зачем-то на мужской манер руку на коленку, но она была теплой, и я не сопротивлялся.

– Холодно без тебя спать, а где мои вещи?

– В машине остались ты вчера так уснул в ней крепко что нам не захотелось тебя будить и мы унесли тебя спать.

– Ты даже не проснулся когда я совершенно нечаянно чуть стукнул тебя об косяк пока поднимал по лестнице, ты только что то побормотал про себя. Подтвердил Серёга, Юля хмыкнула и снова любя погладила меня по коленке.

Мои мысли с трудом приходили в порядок, убойная доза, одиннадцать часов сна без сновидений выбила меня из колеи. В последнее время я перебивался короткими отрезками ворчания в постели, вперемешку с мечтаниями плавно переходящими во сны, и наоборот, проходило четыре тире шесть часов такого полу бдения, и снова шесть ноль-ноль пора просыпаться.

– Вот как? Ответил я. – Видимо думал, что вы хотите разбудить меня на работу, спасибо что не бросила, без тебя я бы замерз, и вчера. Я запнулся.

– Замерз бы. ответила она

– Точно.

– Ну вы даёте. Сказал Серёга улыгнувшись то ли нам то ли сцене в сериале.

– Я нашла старые вещи моего деда, он раньше здесь жил, вроде не чего, придаст тебе солидности что ли. Обратилась она ко мне и переложила стопку вещей поближе, мои по видимому были в машине и никто выходить в этот дождь за ними не хотел, да и скорее всего они там давно отсырели.

Я кивнул не переставая жадно есть, захлёбывая вкусным хоть и растворимым кофе. В моей голове в это время снова проносился весь вчерашний вечер и ночь с Юлей, я не знал, как мне теперь себя вести я хотел теперь всегда быть с ней рядом, но в то же время боялся сделать что-то не так, и перегнуть палку, вдруг для неё эта была лишь легкая интрижка, и она больше не подпустит меня к себе так что я решил действовать аккуратно, вести себя сдержанно

и холодно по отношению к ней. Конечно это была глупая ошибка, и я по неопытности хотел совершить её.

Доев быстрее всех, я поспешил одеться, возле меня лежали поношенные стариковские, но чистые джинсы и аккуратный коричневый свитер. Я встал, так что Серёга закрывал меня спиной от Юли, она снова усмехнулась, я все же немного стеснялся ни смотря на то что по-видимому вчера меня это совсем не волновало, скинул плед и начал одеваться, Джинсы были холодными и уже успели отсыреть, я быстро нырнул в них затем так же ловко влез в колючий шерстяной свитер который сразу на пару с завтраком согрели меня. Только ноги обжигал холодный пол, и немного кололись крошки, валявшиеся на нём. Я вернулся в поле видимости.

– Отлично выглядишь. Ухмыльнулся Серёга, – Прямо как мой дед.

– Да?! Я был занят своими мыслями и не понял шутки.

– А где твой дед? Спросил я Юлю снова присаживаясь на своё место.

– Не хотелось бы мне встретиться с ним в его вещах.

– Не волнуйся, он давно умер, и дачу оставил мне. Я посмотрел на неё сочувствующим взглядом, но Юля уже смеялась над очередной шуткой в ситкоме.

Мы сидели, и я смотрел как под дверью потихоньку расширяется лужица воды, по идее снаружи был ещё козырёк крыльца, но видимо ветер дул в нашу сторону и загонял воду на порог. От завывавшего ветра и барабанищего по стеклу дождя мне стало как-то холодно и одиноко, мне немного захотелось домой, я краткой взглянул на Юлю, она поймала этот взгляд и поняла меня, придвинулась поближе забравшись с ногами и облокотив колени на мои бедра. Мне не куда было девать левую руку, и я приобнял её, интимная теплота этого хрупкого и красивого тела, сразу изменила мое настроение, мне стало тепло и уютно. Я уже никуда не хотел.

Серия подходила к концу, недопитый кофе в кружках остывал, а мне становилось все теплей.

– Мы тут надолго. Сказал Серёга.

– Мы вчера чудом до сюда добрались нигде не застряв теперь надо будет ждать чтобы дорога подсохла мой приус не приспособлен для такого бездорожья.

– А где мы? поинтересовался я.

– Где то за километров тридцать от байкальского тракта.

– Раньше здесь было лучше, но видимо рыбаки повадились ездить на местную речушку и разбили дарогу, не знала что так будет. Сказала нам Юля.

– Ну ничего переждём, правда еды у нас мало, где тут ближайший магазин? Спросил Сергей.

– В ближайшей садоводстве.

– Мда, километров пять отсюда, уединенное местечко, ничего не скажешь. Продолжал сетовать Сергей.

– Мой дед не любил общество.

– Может у него и бункер в подвале есть? Спросил я.

– Может быть. Подразнила меня Юля.

– Может мы даже с тобой там сегодня закроемся там ненадолго. По доброму и нагло сказала мне она и подтолкнула переигрывая подмигнув.

– Ох.. Сергей закатил глаза, от этого воркования и продолжил:

– Короче я схожу за едой и узнаю что с погодой, здесь даже интернет не ловит так что будем пользоваться старыми способами может даже газетку прикуплю, а вы пока можете замуровать в бункере или что вы там хотели, только популяцию земли пожалуй пока не стоит восстанавливать.

– Хочу розового вина и шоколадку, купи. Жалобным тоном попросила Юля.

– Куплю если найду. Согласился он.

– Ладно, буду через часа два, не теряйте, придется пешком идти. Он задумался. – Надо бы вам дров принести.

Он одел поверх защитного цвета штанов, большие, черные, крепкие сапоги, видимо дедовские, ещё советского производства, и большую серую со множеством карманов и капюшоном куртку по старости не уступавшей сапогам. Сделал пару заходов до поленницы и оставляя мокрый след на полу впуская холодный воздух и шум дождя, заполнил все предназначавшееся для дров покрытое слоем метала место, в зале возле камина, этого должно было хватить на день вперед. И сказав, что вернётся нескоро ушёл сильно, хлопнув входной дверью, её раздуло от воды, и она не хотела закрываться до конца. Мы остались вдвоём. Юля положила голову на моё плечо, а я про себя думал, что мне сейчас с ней делать? Я хотел её поцеловать, но всё это не так как вчера, я нервничал, хотя решение быть аккуратным и холодным чтобы ничего не испортить таяло. Я повернулся к ней лицом, немного посмотрел, меня поманило уткнуться в её шею. Но она не дала мне этого сделать положив на мои губы палец.

– Сначала разведи огонь. Это было справедливо, я встал, взял лежавшую возле самодельной пепельницы зажигалку, и нашарил в столешнице большой кухонный нож. Юля удивленно приподняла левую бровь, тот самый жест который так красиво и изящно получается у женщин. Я хотел было пошутить с ножом в руках по поводу того, что огонь подождёт, но слава богу не сделал этого, осознав на сколько это глупо и не смешно, а может даже напугает её, но что бы теперь объяснить сказал, что он для того что бы нарезать лучинок, в этом не было необходимости, можно было использовать и бумагу, но я любил это делать мне нравился этот звук, к тому же я находил в этом что-то приятное и первобытное, да и огонь тогда расходился быстрее. Оставив Юлю я пошёл приниматься за дело, вспомнилась моя деревня, в которой я рос до школы каждое утро мой дед вставал раньше всех и затапливал печь, я иногда просыпался услышав, как отворяется дымовой проход печки, прыгивал с кровати и шёл наблюдать за процессом с тем интересом маленьких и любопытных детей.

Юля вошла в зал, я чувствовал её взгляд на себе пока улаживал в кучу поломанные настроганные лучинки и сухие дрова. Мне не понадобилось много времени, и уже скоро послышался треск огня, комната начала заполняться сухим горячим воздухом. Я сидел на полу близко к камину и любовался проделанной работой, Юля недолго думая принесла плед, тот самый в котором я спустился вниз и постелила его позади меня. Я не оборачивался к ней, но потом почувствовал её дыхание возле своей шеи, она потянула меня назад, и я медленно расслабил все мышцы и потихоньку опустил свою голову к ней на бедра, она смотрела на меня своими красивыми блестящими глазами, свет огня приятно отливался на её волосах. Она ласкала моё лицо и голову руками, я почувствовал, как расслабляются все мои мышцы как падает оборона внутри меня, и как уходит застенчивость и не уверенность, вызванные незнанием того что следует делать, а делать нужно было просто то что хочется.

– Тебе хорошо? Спросила она.

– Очень хорошо. Ответил я и словно кот которого никогда никто не гладил, погрузился в её ласки, мурча от удовольствия, и потеряв ход времени пропал в нежности этих ходивших по моим волосам рук, в блеске и красоте этих глаз, в мягкости и сочности её спелых губ.

Красные угли тлели в камине и стоило просто кинуть ещё немного дров чтобы снова появился огонь, в комнате было уже тепло, даже немного жарко, и мы с Юлей голые и немного влажные только слегка прикрывшись пледом лежали на кровати где ещё с утра спал Серёга. она водила рукой по моему лицу будто успокаивая меня. Близился вечер и дождь всё так же неумолимо колотил по стеклу придавая уюта нашему убежищу.

– Ты настоящая? спросил я и поцеловал гладившую меня руку.

На что она ничего не ответив просто крепко обняла меня, так что я увидел её красивую спину и поясницу, я не хотел её никогда выпускать, энергия вливалась в мою грудь, как выяснилось во мне для счастья не хватало какого-то компонента, который передавался посредством

объятий. Потом всё же мы расцепили руки, чтобы не случилось передозировка, она поцеловала меня в висок взерошив мне волосы руками. Я улыбнулся и просто продолжал лежать смотря на неё, тлеющие угли придавали красноватый оттенок её коже от чего она чем то напоминала новогоднюю игрушку, лежавшую под ёлкой, и освещаемую только светом навешанных рядом гирлянд.

Серёга вернулся поздно. С экстравагантным набором русского джентльмена в виде пельменей хлеба майонеза и вина. Мы с Юлей всё это время были вместе, и только сейчас почувствовали, что успели сильно проголодаться. В искусстве превращать полуфабрикаты во что-то съедобное я сильно преуспел за последние пару лет, и быстро всё приготовил на газовой плите. Всем понравилось.

Этот вечер, изменил наши жизни, мы как три арестанта сбежавшие от реальной жизни от ответственности от работы от всех невзгод в этот дальний уголок, почувствовали себя так уединенно тепло и уютно что не захотели расставаться, и решили что нам ничего не остаётся делать как продолжать такое существование, и его логичным и дальнейшим продолжением должна была служить насыщенная полноценная поездка по всей России, оказалось что мы все трое, об этом мечтали, и отбросив и игнорируя все *против*, и приветствуя и восклицая все *за* решили это сделать. Вино заканчивалось, как и дрова и мы сидели и обсуждали что нам может пригодиться в дороге, а что лучше оставить, куда лучше ехать и где останавливаться, мы предвкушали наше приключение, смакуя каждый нюанс. Правда долго не могли выбрать направление. Юля хотела в Питер, я хотел туда где потеплей или в тот же Питер, а Серёге было всё равно, и мы в конце концов остановились на том что едем по Сибири на запад не выезжая из России, и по ситуации после того как проедем Екатеринбург, выберем куда свернуть. Удовлетворившись тем что мы всё же нашли компромисс Серёга довольный пошёл спать, этот человек без забот легко согласился на эту авантюру не смотря на кажущуюся внешнюю серьёзность и взрослость, или же он принял на себя ответственность за нас двоих и не захотел отпустить, он был настоящим благодетелем, из тех людей что счастливы когда делают счастливыми кого то другого, а самому же ему доставлял необыкновенную радость тот факт что он существует что он живой что все видит и чувствует, он был из тех кто просто очень сильно любит жить. У нас было ещё немного вина, и мы остались вдвоём. Гормоны уже не так бушевали, как с утра, и мы успели немного поговорить. Точнее говорила Юля, о каких-то не важных простых вещах. Если честно я её почти не слушал, поскольку не мог отвести взгляда от её прелестного милого лица с такой обворожительной кокетливой мимикой, она даже злилась как то красиво, я смотрел на неё изредка кивая, и что нибудь отвечая следя за разговором лишь отпечатками подсознания, а сам не мог поверить что теперь могу взять и поцеловать её когда захочу, что теперь всё просто, никакой борьбы, боли, и не взаимности, никаких лишних заморочек, от этих мыслей я всё больше возбуждался и пил больше вина которого всё равно не хватало чтобы остудить пыл. Она не переставала говорить, но теперь уже и сама смотрела только на меня. Я начал ненавидеть то небольшое пространство что было между нами, и в конце концов оборвал её на полу фразе поцелуем и унёс к нам на второй этаж в кровать.

5

Следующие утро было особенное для меня. Я проснулся рано. Ночью всё ещё шёл дождь и на окнах были капли воды, но теперь тучи уже разошлись и в нашу кровать проникал теплый яркий золотой какой бывает только ранним утром солнечный свет, Юля безмятежно спала, я чувствовал, что если поднимусь она проснётся, её блестящие на солнце волосы раскинулись по подушке. Она как котёнок поджала под себя руки и лежала на животе, повернувшись ко мне лицом, сухие немного обветренные губы как бы разлипаясь со сна были немного приоткрыты, я хотел поправить прядь, лежавшую на её шелковистой щеке, но приблизив руку побоялся к ней притронуться будто от этого она могла исчезнуть или испариться и просто лежал любуясь ею, не думая не о чем, эта картина и что я ощущал тогда навсегда запало мне в сердце и в душу.

Шли дни, мы все больше узнавали друг друга, немного времени потребовалось для того чтобы чувствовать будто мы были давно уже знакомы. Каждое утро перед завтраком пока Юля спала я старался заниматься утренней физкультурой, сначала было тяжело, не смотря на то что в школе я всегда увлекался спортом, последние три года учёбы в университете и безделья перечеркнули все мои предыдущие труды на нет, и я быстро выдыхался, но на день пятый я уже мог не сбавляя темп и без передышек и остановок добежать до речки, которая текла в километрах двух от дачи, до неё надо было бежать по узкой тропинке которая по-видимому всегда здесь была но по которой ещё не ходили этим летом, но всё же земля помнила это и приспособившись не могла снова забыть, и обрасти густой травой, да и камни кое где выступавшие этому не способствовали, она была узкая и с перевалами, иногда надо было нагнуться чтобы не задела ветка или чтобы не впутаться в еле различимую кропотливо натянутую паутину, но в остальном передвигаться по ней было одно удовольствие в конце которого тебя ждала небольшая мутная шумная речушка. Мы с Юлей по вечерам часто там гуляли, иногда просто сидели возле неё и слушали как журчит вода, пока мошкара не выгоняла нас домой. В один вечер в месте где быстрый поток расширяется, и становится настолько мельче, так что волны начинают приобретать форму булыжников на дне, мы перешли на другой берег, лес там был гуще и не было никакого намёка на тропинку, немного пробравшись в глубь мы наткнулись на выцветший запорожец, дитя советского автопрома, оказавшийся здесь неясным образом, его забросили по меньшей степени лет двадцать назад каркас весь прогнил из водительского сиденья росло небольшое деревце, но часть крыши закрывавшей задние места была цела.

– Давай тут маленько посидим? Предложил я, и очистив от сухих листьев себе место мы уселись.

Мы уселись и я начал играть с рычагами которые должны были поднимать и опускать стекла, которых давно не было, в те далекие времена что бы опустить их надо было крутить небольшую ручку, и я убедившись что он не работает, обратил внимание на Юлю, она смотрела на меленькую выцветшую черно-белую фотографию на приборной панели, на ней различалась образ двух мужчины и женщины в обнимку стоящих друг с другом, волосы у девушки были распущены и чуть как бы на ветру колыхались, мужчина же был внешне груб но красив и смотрел в объектив пронзительным взглядом.

– Давай никогда никому не скажем об это месте, это будет нашим секретом, я хочу писать тебе записки и оставлять их здесь, и ты приходи отвечай и тут же прячь. Сказала Юля заглянув в небольшой задний кармашек полуразвалившегося переднего сиденья в качестве пассажира которого, как и на приборной панели был мох, и не большая мелкая растительность.

– Хорошо. Ухмыльнулся я, вряд ли мы сюда ещё раз придём ну всё же. Юля явно вдохновилась этим уставшим заросшим автомобилем. Она была как-то гиперактивна и разговорчива, повернувшись ко мне и подложив свои ноги под себя она начала говорить :

– Знаешь, иногда живешь как-то на автомате, ешь, говоришь, мыслишь, выполняешь свои обязанности, и время течёт не заметно, и всё что с тобой происходит наслаивается друг на друга создавая монотонную трель жизни. Мы не чувствуем время. А потом вот оказавшись, например, в таком месте, вдруг как-то всё останавливается, и ты понимаешь, что именно сейчас сию секунду в этот момент ты живешь, что этот момент особенный, и что все моменты особенные, ты удивляешься почему всё время не замечал и не вспоминал этого, а думал о будущем делал для будущего, и жил им, забыв про настоящее. И хочешь отныне жить только так, всегда осознавая себя живым, и ты понимаешь что с тобой только что это же мгновение пережило всё живое и родное тебе, и интересно что сейчас делали твои любимые, какая погода под тем деревом где ты любил сидеть в детстве, или что сейчас дома делает твой кот.

Юля хотела говорить, и я не мешал ей и слушал.

– А ещё знаешь, мы сейчас одни тут в лесу, в заброшенной машине посреди леса, наверно в радиусе километра от нас нет ни одного человека мы тут и сейчас с тобой одни, как единственные выжившие люди на планете, или на не обитаемом острове где я твой мир, а ты мой. Человеку так много нужно, мало того, что мы можем существовать только на этой планете, и только на тонком слое её поверхности исключая полюса, нам ещё постоянно нужна вода, еда, воздух, давление, притяжение, сон, отдых, информация, при этом всем нужно ещё и разнообразие, чтобы мы постоянно развивались, а не сходили с ума от наших простаивающих умственных способностей.

– Ты слышал когда ни будь что если человека всю жизнь слышащего посадить в абсолютно тихую комнату через пол часа он начинает сходить с ума? У него начнутся слуховые галлюцинации, и так со всеми чувствами, если ничего не происходит мы сами начинаем себе что-то выдумывать. К тому же человек всегда хочет быть счастливым, даже если у него все хорошо со здоровьем, ему хватает еды и комфорта, он всё равно может убить себя от несчастья, хоть одно животное способно на такое? У них не хватает силы воли и интеллекта что бы подавить в себе инстинкт жизни, даже если вся жизнь их мучения как у брошенной страшной дворняги без глаза и лапы, она никогда не бросится сама под машину, она всё равно будет хотеть жить, и даже будет стараться дружить с другими собаками и размножатся. Это её долг перед природой которая подарила ей жизнь, а человек отдаляется от природы губит её пытается подчинить, хочет упорядочить жизни, грубо удовлетворяя свои потребности, бесится от своей беспомощности, нарушает её законы, но мы забываем что все живое целое, и что природа всегда сильнее, у доброго человека сердце кровью обливается когда он видит как вырубается вековые деревья, как из лис убивая только ради их меха делают шубы, доброта заложена в глубине каждого из нас, мы знаем что мы все, и животные, и люди, и растения единственный механизм, и все идём от одного истока, и когда страдает кто то или что то на наших глазах, нам больно потому что это мы и есть. Сначала мы защищаем себя, потом свою семью, потом своё племя, потом свой народ, потом свой род, защищаем мы и те растения и животных которые помогают нам существовать, но наша планета везде взаимосвязана, так что мы должны защищать всё живое. Всегда ведётся борьба доминирующего эгоизма, и эксплуатации использования всего вокруг, с более тихой, ненавязчивой потребностью гармонии и сосуществования с природой и с миром. Если бы не человек со своим разумом, то гармония была бы идеальной, но в то же время эволюция склонна к завоеванию новых территорий, и может быть это был её хитроумный ход, природа всю свою историю готовила планету к приходу человека, у нас много ископаемых ресурсов есть животные и растения которых легко разводить и ими питаться, все опасности пришедшие на наш род мы преодолели и выжили извлекая для себя всё новые уроки, так может быть природа рискнула, позволив развиваться доминирующему виду, мы всё несём её эстафету, все рано или поздно умирают но её суть принципы и законы никогда не меняются, мы как марионетки в её руках, и только думаем что уже подчинили и используем её, тогда как это она использует нас, создав кучу возможных ситуаций где какой ни будь гений наделённый

умом найдёт способ вознести её семя над лоно пригодной для этого стерильной планеты, ведь кроме того что для счастья человеку всегда нужен человек, ему ещё и нужна цель, а достигнув её он ищет новую, и всё больше развивается, сначала мы не могли преодолеть реку и построили плот, потом не могли преодолеть море и построили корабли, и так всегда, если и правда существует какой то способ передвигаться на такие большие расстояния а если верить природе то он обязательно есть, то рано или поздно он найдётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.